

Ключевой мотив рассказов Анастасии Фрыгиной – проницаемость границы, отделяющей видимый мир от невидимого, реальный от мистического. Перед вами, в сущности, системное исследование тех порталов, окон и дверей, сквозь которые возможно проникнуть из одного пространства в другое, а еще о власти, с которой один мир действует на другой.

В рассказе «Мария» таким порталом оказывается встреча с медведем один на один в тундре, а в «Ане» – лес и речка. Звучащий, дышащий и совершенно живой лес, среднерусский в «Ане», северный в «Марии», – одна из главных удач этих текстов. «Неспелая и сухая малина с кривых почерневших кустов», «сладкий гнилой чад леса», «хрупкий дерн вперемешку с обломками иголок», туман – «водная взвесь, разведенная в воздухе», буро-коричневый кочкарь, вершина сопки, покрытая лишайником, – для описания леса и тундры здесь найдены и точные, и свежие слова. Оба рассказа неожиданно обнаруживают: то, что на школьных уроках литературы называется «образ природы» и ассоциируется с классикой или прозой деревенщиков, совершенно возможно и в современной словесности. Подобных объемных, душистых, но совершенно не тягомотных описаний природы не случалось в нашей литературе очень давно. В этом с большой зоркостью увиденном, услышанном, унюханном лесном пространстве разворачиваются идеально подходящие ему события. Органичное соединение действия и хронотопа, сюжета и языка – еще одно достоинство прозы Анастасии Фрыгиной. Перед нами автор со своей оригинальной темой и неповторимым голосом, который, подобно лесному царству в этих рассказах, обладает неодолимой властью над сердцами тех, кто его слушает.

МАРИЯ

*Каменных рек Пангеи не взять ружьей.
Олег Медведев*

Она отстранено поворошила ногой маслянистые шарики шикши, примерилась и наступила всем весом, вминая их в мягкую травяную подложку. Обманчиво черные ягоды полопались, открывая водянистую прозрачную сердцевину. Никто шикшу не ест, разве что медведи, но и те лишь глотают жадно мелкую ягоду вместе с листвой и жесткими стебельками. Глотают, но не переваривают, и их встречающиеся на каждом шагу кучи пестрят черными точками. Не думать о медведях здесь невозможно, они просовывают свои косматые головы в мысли, видения и сны, принося неизбывный страх. Странный страх, первобытный. Он сопровождает каждый шаг, и ничем и никак не отвлечься. Восприятие обостряется, и ты непрерывно сканируешь окружающую территорию каждым из доступных тебе органов чувств. Но страх почти не мешает, потому что не мыслится как нечто инородное. Он неотделим от всего здесь – от широкой палитры осенней тундры, от серого щебня редких вершин, от кишашей крупными телами готовых к смерти рыб сладкой воды, он растворен в ней и в плотном от надоедливого гнуса и комарья воздухе.

Тогда она еще ела шикшу, жадно сгребая растопыренной кистью безвкусную ягоду, весело шелка-

ющую под легким давлением зубов. Когда вертолет приземлился в первый раз, на самом краю обжитого цивилизованными людьми мира. Скученный вокруг рыбзавода поселок и импровизированный аэропорт с выщербленной посадочной площадкой, за ровной гранью которой начиналась тундра.

Точку ту от точки этой в пространстве отделяло чуть больше трех сотен километров, во времени – месяц, поправка, во времени – вечность. Еще поправка – во времени ту точку от этой не отделяло ничего. Чтобы что-то от чего-то отделить, эти что-то надо сначала сопоставить. Сопоставить не получалось, точка та и точка эта находились в двух разных мирах, которые не соприкасались. Там – смерти не было, здесь – смерть была всего лишь смертью. И с этим приходилось учиться жить, им, всем тем, кто не жевал с детства пресноватую юколу, не разваривал в котелке вяленое оленьё мясо, тем, кто не пробовал пахучего лахтачьего жира и не знал, что можно и нужно бить влет сытных осенних чаек. Им приходилось наполняться всем этим, набивать животы, головы и души плотной и осязаемой смертью.

Мария затушила остатки сигареты о подошву резинового сапога и бросила в кусты, хорошо, что никто не видел. Мусорить в дикой природе плохо, но таскать с собой полную окурков пачку она так и не привыкла. В этот раз они встали не очень

удачно, от лагеря до реки – метров двести по густому ольшанику, который постепенно изводили на дрова. Сырая красновато-рыжая древесина разгоралась медленно, зато удачной закладкой могло хватить на полночи, тогда как смолистый мелкий кедрач выходил за пару часов, и дежурному по печке приходилось вставать по шесть раз за ночь.

Мария спрятала руки в карманы, к середине сентября стало холоднее, и гнус пропал, но у воды еще встречались комариные стаи. Пластиковый пакет с грязным бельем мерно бил по ноге, и это было приятно. В отрыве от цивилизации почему-то начинаешь особенно тепло относиться ко всему ненатуральному. Недаром рассказывают о том, как после полугода вахты буровики чуть ли не целуют асфальт. Земля под ногами сменилась грубокатанной речной галькой, Мария пнула камень, так что он откатился и плюхнулся в воду.

– Стираться собралась? – Леня-вездеходчик размеренно тянул из воды очередного хариуса, смаывая леску.

Ему как-то удавалось успешно рыбачить без спиннинга – леска, блесна, крючок и все. Никто в партии не смог повторить это фокус, даже Вова, который все свое детство зарабатывал браконьеркой.

Мария молча кивнула.

– Иди вниз по течению, и лучше на другую сторону, иначе мешать будешь.

– Хорошо. Как улов?

– Неплохо. – Леня мотнул головой, рядом с ним на земле бился десяток хариусов, насаженных на длинный свернутый кольцом прут, второй такой же был пока развернут, на нем вяло трепыхалась одна крупная рыбина.

– Там Вова еще.

Мария повернулась, выше по течению на крутом берегу Вова в солнцезащитных очках вглядывался в реку. Резкий наклон вперед, и крюк живодерки вошел в воду. Вова подтащил к берегу крупного кижуча, крюк пробил рыбе брюхо насквозь двумя из трех острых концов. Распрямился, помахал рукой, снял кижуча с крюка и отбросил, чуть не попав в лежащий на земле СКС. Девять патронов, десятый – в стволе. Вова тихо выругался и кинулся поднимать рыбину, пока та не намочила карабин.

– Опять икра будет, – Мария вздохнула, – и опять она стухнет.

– Не будет, он только самцов ловит.

– Прикольно, и как это у него получается?

Леня коротко качнул плечом и в очередной раз закинул леску. Мария неторопливо раскатала резиновые сапоги и перешла речку, холод от воды

проник и сквозь портянки, и сквозь шерстяные носки почти сразу, в тундре стремительно наступала зима.

Мария вытряхнула из мешка вещи, с трудом отодрала мыло от прилипшего пакета, надо было все-таки купить мыльницу, и принялась за стирку. Пальцы быстро сводило в ледяной воде, приходилось время от времени прерываться, согревая ладони о внутреннюю сторону бедер, делать паузы на перекур и просто передых. И все же, несмотря на холод, размеренный процесс увлекал, она начала напевать себе под нос, песню за песней, запинаясь и пропуская строчки и целые куплеты. Современные способы получения информации расхолаживают, мгновенный доступ в любой момент времени, кратковременная память постепенно слабнет, а долговременная просто ставит запись на паузу. Так и остаешься один на один с песнями своего детства, да и те приходится собирать по кусочкам, неделями страдая от неспособности вспомнить одну строчку, и никакого «Окей, Google». Вакуум. Зато можно петь без слов, выводить себе под нос бесконечное «м-м-м-м-м-м». Почти мантры, шаманские напевы, которые испокон веков слышит эта земля. М-м-м-м-м-м, мелодично шумит водяной поток, м-м-м-м-м-м, ветер проходится по ольховым кронам, м-м-м-м-м-м, кричат высоко над головой перелетные птицы, покидая этот край, пускаясь в бегство от наступающих холодов, совсем скоро эти долины занесет трехметровым снежным покровом, скрадывающим неровности рельефа, сглаживающим тундру в бесконечное ровное полотно. М-м-м-м-м-м-м. Хруст мелкого камня под тяжестью шагов. Под большой тяжестью. Не человеческой. Медвежьей.

Мария подняла голову от воды. На другой стороне реки стоял медведь, крупнее того, с которого содрали шкуру две недели назад, ходил по лагерю, пришлось убить. Не просто крупнее, этот медведь был огромным. И он перекрывал вход в лагерь. И парней на берегу не было. Ни Лени с леской и двумя связками хариусов, ни Вовы с живодеркой и карабином. Девять патронов, десятый – в стволе. Их не было.

До лагеря метров сто, но кричать опасно. Мария медленно выпрямилась. Медведь видел ее, он смотрел прямо на нее. Безучастная морда ничего не выражала. Кричать опасно, бежать тоже. Мария сделала шаг назад, медведь двинулся навстречу, вступая в реку. Двинулся молча, медведи никогда не проявляют особых эмоций, не шерят зубы и не рычат, никак не предупреждают об атаке. Может, он и не будет бросаться на нее, может, его ведет одно

любопытство. У медведей нет повадок, они индивидуальны, они непредсказуемы. Расстояние сокращалось, Мария пятилась, пока не уперлась в кедрачовую стену, ограничивающую пойму реки. Надо было решать. Срочно. Бежать или?.. Бежать. До медведя оставалось меньше десяти метров, Мария развернулась и полезла вверх, прямо в остро пахнущую хвоей кущу. Она карабкалась вперед, подтягиваясь на руках, спотыкаясь и соскальзывая, мажась в густой смоле и снова соскальзывая. Медведь ломился за ней, или не ломился. Громкий треск раздвигаемых веток и тяжелый тошнотный запах могли ей только чудиться. Но она не останавливалась, не замедляла бег, хотя какой там бег. Средняя скорость прохода через кедрач по прямой – полтора километра в час, а она карабкалась круто вверх, но она карабкалась от медведя.

Надо было закричать, позвать на помощь. Так и так зверь уже погнался. Но это не пришло ей в голову тогда, она подумала об этом только сейчас. Мария ломилась через кедрач около получаса, может, больше. В какой момент отстал медведь – непонятно, как и непонятно, бежал ли он за ней вообще. Паника – нормальная реакция на стресс. Паника отключает голову, путает мысли и воспоминания. Вся погоня смешалась в невнятную кашу, как будто в ее голову засунули миксер и зажали кнопку «турбо» на пару секунд. Сильная головная боль это подтверждала, в последний раз так голова болела очень давно, в старших классах, и Мария успела забыть, что бывает так хреново. Но даже это было мелочью, наименьшей из ее проблем. Она понятия не имела, где находится.

Русло реки в этом месте было совсем узким, с одной стороны – крутая скальная стенка, с другой – осыпушка, коронованная кедрачом. Именно из него Мария вывалилась совсем недавно, чуть не скатившись вниз кубарем. А может, лучше бы и скатилась, свернула бы шею и не мучилась. Тьфу, какая же дрянь лезет в голову. Время – 16:35, доисторический нокиевский кирпич, купленный с рук специально для поля, был заряжен на полную. Без толку. Здесь нет связи. И людей нет, только десять человек ее отряда, еще пятеро работают на побережье вместе с вездеходом и двое на базе, до которой около сотни километров. Ее будут искать, наверняка уже ищут. Так, что же делать? Можно остаться на месте, голод ей не грозит, будет глотать кедрачовые шишки и ягоду, уж теперь-то ей и шикша станет полезна. Мария сморщила лицо, сжала зубы в странной гримасе, хотелось то ли заорать во все горло, то ли расплакаться. Поорать она уже успела, долго

и со вкусом. Ау, уа, спасите, пожар, помогите и многое другое. Она кричала, пока не поняла, что ответа не будет и услышит ее разве что еще один медведь. Так, стоп. Варианты. Остаться на месте. Еще можно попробовать вернуться, примерное направление она помнит.

Вариант вернуться отпал, на часах 17:40, она опять выбралась к реке, и опять не туда, еще одно узкое русло, почти неотличимое от предыдущего. Ноги и руки пульсировали, постепенно тяжелея, если она постоит еще чуть-чуть или, не дай бог, сядет, встать ей больше не удастся. Мария стянула с энцефалитки шелуху от четвертой подряд шишки, сплюнула кожуру. От сладковатых орешков начинало подташнивать. А может, и от усталости или шока. Интересно, сейчас у нее шок?

Сообразив, что осталась одна, она испытала ужас. Вот прямо так, без преувеличения, настоящий ужас. Паническое состояние бегства только-только отпустило, и мутная пленка сползла с сознания, обнажая весь скопившийся страх. Прооравшись, она немного успокоилась, но ее тут же догнало осознание того, что крики могли привлечь медведя, и накатила вторая волна. Чуть погодя Мария успокоилась снова и начала судорожно думать, что делать дальше. После – тяжелый подъем и спуск, физическая нагрузка на время приглушила и эмоции, и мысли, плюс ее тащила вперед надежда, почти уверенность, что вот-вот впереди появится знакомый берег. Теперь же стало окончательно ясно, что она потерялась.

Нет, все же не шок. Мария сдвинула вниз каремат и села на осыпушку, распрямляя ноги. Легла на мелкие камни спиной, но почти сразу села обратно, от земли шел холод, ошутимый даже сквозь тонкий слой брезента, флиску и термобелье. Что же делать дальше? Идти вниз по течению, выходить на побережку в надежде столкнуться со вторым отрядом? Здесь все крупные водотоки рано или поздно впадают в одну реку... Если, конечно, она не перевалила через хребет. От бухты до базы всего двадцать километров. Но до бухты тоже еще надо пройти, они стояли в пятнадцати километрах, на одном из притоков, а она сейчас... Черт знает где. И не факт, что ее не сожрут по пути. Медведи. Их здесь уйма. Так. Может, остаться тут? Тоже не вариант, она понятия не имеет, где это самое тут находится. Или идти вниз по течению и надеяться на лучшее, или... Или можно попробовать выползти на возвышенность.

Мария оглядела скальную стенку, склон уходил вверх довольно круто, редкий кедрач и невысокие

Паническое состояние бегства только-только отпустило, и мутная пленка сползла с сознания, обнажая весь скопившийся страх.

березки вперемешку с ольхой. Скорее всего, достаточно высоко, можно будет осмотреться и найти лагерь. Уже почти шесть. Она успеет до темноты? А если и нет, какая разница, одинаково опасно и идти, и сидеть здесь.

Идти не так холодно, карабкаясь вверх по скользкому руслу ручья, Мария почти совсем согрелась. Ручей был один в один как тот, по которому они поднимались в первом маршруте, и так же вывел ее к почти плоской вершине сопки, лишенной растительности, если не считать лишайника, покрывавшего выщербленную скальную поверхность. Каждый такой подъем здесь вознаграждался сигаретой, обязательным совместным ритуалом; некурящих в партии почти не было, только студентка и один из старших геологов, Олег Евгеньевич, который бросил, когда работал в разведке на золото в Перу. С началом повальной экономии стали курить одну на двоих или даже троих, но ритуал выполнялся обязательно. Сейчас Мария чувствовала сильное фантомное желание, привычно дернулась рука, и в воздухе как будто проявился едва уловимый запах дыма. Тщетно, у нее нет с собой даже зажигалки, перестала носить, когда вышли все три блока, зря.

Резкий ветер рванул капюшон энцефалитки, Мария с силой натянула его обратно, напрягаясь от внезапно усиливающегося холода. К головной боли добавилась все нарастающая тошнота. Мария сплюнула на землю противную слюну, отдающую бледно-зеленой желчной горечью, с трудом встала и пошла к вершине.

Уже почти стемнело, только вдали над морем тяжелый облачный покров, бесшумно давящий на землю несколько последних недель, чуть-чуть подсвечивался бледно-желтым. Вокруг была тунд-

ра, буро-зеленое плоско-волнистое пространство, ограниченное с запада прибрежными обрывами. К востоку оно приподнималось, прорастая более высокими холмами-сопками и лысыми хребтиками.

Мария простояла на вершине еще немного, уже почти стемнело, но ни огонька не появилось на исчезающем в полумраке осеннем ковре, ни проблеска. Полная тьма упала внезапно, и стало ясно, что спускаться вниз – самоубийство. Но и оставаться на вершине было невозможно, ветер становился только сильнее, от холода начинало потряхивать. Пришлось спуститься на несколько метров и устроиться в развилке кедровых ветвей. В безветрии стало чуть теплее, но ненадолго.

Опираясь спиной о сплетение жестких стволов, Мария сцепляла и расцепляла клейкие от смолы пальцы. Было так темно, что даже кисти рук просматривались с трудом, мелкие ссадины и порезы пощипывали и пульсировали, это не было неприятно, скорее наоборот, помогало зафиксироваться на происходящем и не заснуть. Головная боль отступила, скапливаясь тяжестью в затылке и плотным обручем на висках, похоже на начало мигрени. Не хотелось есть и пить, только курить. В голове то и дело щелкала зажигалка, рождая маленький огонек, обращаясь в живительное пламя. Было холодно.

В серой рассветной полутьме Мария спускалась с сопки. По тропинке. Откуда в густых кедровых тропинка, кем протоптана и куда ведет, ей было неизвестно. Может, кто-то из оленеводов гонял через эту сопку свои стада, может, охотники ходили тут к морю. Воздух был напоен влагой, водяная завеса лишала возможности видеть что-то, кроме очередного изгиба тропы. Так продолжалось почти до самого подножия.

Она вышла на ровную тундру и пошла вперед, ни реки, ни ручья, только кочкарь, буро-коричневый, равномерный, мягкий. Сапоги утопали в нем почти до самых колен, но влажного чавканья слышно не было. Было тихо, разведенная в воздухе мелкая водяная взвесь глушила любые звуки. Мария чувствовала, как туманная вата забивает ей не только уши, но и нос. Приходилось дышать через полукрытый рот, неглубоко и часто, глотая вязкий воздух маленькими порциями. Холодало стремительно, так что скоро к «вате» добавилась приставка «стекло-». Дышать становилось легче, мелкие кристаллики льда хрустели на зубах и под ногами, постепенно прояснилось. Впереди расстилалась ровная тундра, странно, вчера она не видела ничего подобного, может быть, спустилась с другой сторо-

ны, но и там... Тундра вдаль постепенно выцветала, коричневый сменялся серым и светлел до линялой почти белизны. Под ногами уже хрустела плотная ледяная корка, подошвы сапог почували более плотную опору, Мария перестала проваливаться, мох и траву постепенно заносило снегом. Горизонт совсем прояснился, на самой кромке его выросла узкая полоска белоснежного горного хребта.

По хрусткому снегу навстречу Марии шли собаки, целая стая разномастных лаек, приятно пахло мокрой шерстью. Мария не успела испугаться, впрочем, она никогда не боялась собак, ближайшая черно-белая хаски ткнулась мордой в ее протянутую руку, шершавый язык обнял ледяную кисть. Множество разноцветных глаз смотрели на нее, не мигая, Мария продолжала идти вперед, собаки обступили ее и пошли следом. Справа выросла из снега высокая яранга, из круглого отверстия в крыше уходил вверх тонкой ровной струйкой белый дым. У входа стоял, опираясь на воткнутые в снег лыжи, высокий коряк в оленьей рубаше мехом наружу, его длинные волосы были собраны кожаной полоской, украшенной парой черных вороньих перьев. Коряк жевал юколу, но, заметив Марию, отбросил недогрызенный кусок в снег. Собачья стая тут же бросилась подбирать неожиданное угощение.

– Эй, Миты, посмотри-ка, какие у нас гости! – крикнул он, оборачиваясь ко входу в ярангу.

Оттуда донесся раздраженный женский голос, и следом за ним появилась одетая в меховую шапку-кухлянку голова.

– Тебе лишь бы меня от работы отвлекать. Чем болтать, лучше иди и добудь нам жира... Ой, и вправду гостя. Что ты здесь делаешь?

– Потерялась.

Худошавая и маленькая ростом даже в объемном меховом комбинезоне корячка вылезла из яранги и встала рядом с коряком. Он улыбнулся и вновь обратился к Марии:

– Удивительное место ты выбрала, чтобы теряться.

– Я не выбирала.

– Выбрала-выбрала, я же вижу. Что мне теперь с тобой делать? А, Миты, что ты скажешь?

– Отправь ее обратно, она же совсем юная еще. – Корячка стянула с головы кухлянку, обнажая две толстые черные косы, перевитые кожаными ленточками.

– Ох, Миты, твоя доброта не знает границ. Так уж и быть! Отправляйся обратно, женщина.

– Куда?

– Обратно, иди прямо и никуда не сворачивай.

– Но я не знаю...

– Хорошо-хорошо. – Коряк быстрым движением вытащил лыжи из снега. – Что же, опять все мне делать самому.

Он наклонился, прилаживая лыжи к ногам, корячка подала ему большую черную накидку из вороньих перьев. Мужчина набросил ее на плечи и резко рванул с места в сторону, откуда пришла Мария. Ей осталось только повисший в воздухе выкрик:

– Следуй за мной.

Мария развернулась и пошла, потом побежала, ноги утопали в глубоком снегу, мешая движению, она спешила как могла. Провожатый же легко несся вперед, оставляя за собой узкую лыжню. Мария потеряла его из виду, но продолжила идти. Воздух снова густел, становился влажным, тепло, снег таял на глазах, и совсем скоро лыжня исчезла. Из-за плотной туманной стены, откуда-то сверху, донесся приглушенный вороний крик.

Мария вышла на тропу, ту самую, и пошла вверх. Она поднималась, и над ней кружил большой черный ворон, время от времени оглашая окрестности скрежещущим звуком. Вот впереди появился большой раскидистый куст кедрача, тот самый, на чьих ветвях она уснула вчера, ворон сделал еще один круг, ложась на крыло, и улетел обратно в тундру.

Над ней стоял, опираясь на короткую деревяшку, коряк, худой и невысокий, в застиранной до светло-серого оттенка энцефалитке. Он широко улыбался и протягивал на раскрытой ладони горстку какой-то серо-коричневой шелухи.

– Мухомор будешь?

Мария попыталась встать, но не смогла, все тело затекло от неудобной позы, ее колотил озноб, голова раскалывалась, зато вчерашняя тошнота прошла, и как будто бы стало теплее.

– Нет.

– Зря, слабая ты, без него не дойдешь.

– Куда?

– Тут недалеко зимник мой, твои геологи уже там.

– У вас вода есть?

– Нет, – коряк похлопал себя по карманам, – нету воды.

– А сигареты?

– Е-е-есть, – поцокал он языком, оголяя крупные зубы.

«Оптимка красная», богато живут оленеводы. От густого дыма подкатило к горлу, зато прояснилось в голове. Мария выбралась из кедрачовой развилки и присела на корточках.

– Это ваши собаки были?

– Какие собаки?

– Разные, много разных, целая стая. Я спускалась по тропе утром на ровную тундру, и там были собаки и яранга оленеводов. А еще там был снег. – Мария замолчала.

Коряк вытряхнул из пачки еще одну сигарету и тоже закурил, присел рядом.

– Внизу тут речка глубокая, брода нет, и тропы никакой нет. Ты, наверное, видела нижний мир.

– Какой мир?

Коряк глубоко затынулся.

– У человека есть две души. Одна уходит к верхним людям, – он ткнул пальцем в небо, – вторая – в нижний мир. Когда человека сжигают на похоронном костре. Тебя не сжигали, как ты попала в нижний мир?

– Не знаю. А при чем тут собаки?

– На входе в нижний мир человека встречают собаки, им надо понравиться, ты им понравилась?

– Наверное, да, одна лизнула мне руку.

Коряк помолчал немного и задал еще один вопрос:

– Кого еще ты там видела?

– Мужчину, высокого, в накидке из вороньих перьев, и маленькую женщину.

– Куткыннюку и жена его Миты. Ты понравилась Куткыннюку, потому и попала в нижний мир и вернулась. Он и меня к тебе привел, через мухоморных людей восточку передал.

– Кто такой Куткыннюку?

– Ворон Кутха, самый первый шаман.

Что-то такое было про Кутху, в каждой второй сувенирке в городе продавались фигурки ворона, вырезанные из пахучего дерева, моржовой и мамонтовой кости. Ворон, большой черный ворон, чертивший круги над ее головой.

Коряк докурил, убрал окурок в спичечную коробку и встал.

– Время идти.

– Далеко?

– Нет, час пешком. – Он посмотрел на нее и уточнил: – Скорее, пару часов. Точно не хочешь мухоморов?

– Точно.

– Ну, как хочешь.

Мария поднялась на ноги, начала и почти сразу бросила отряхивать одежду от кусочков коры, веточек и прочего сора. Ее пошатывало, и долбил тремор, как с тяжелого похмелья, мешая мелкой моторике. Зато почти не было холодно, вновь накатившая тошнота постепенно отпускала тоже.

– Меня зовут Мария.

– Алексей, – коряк протянул ей руку.

Лагерь был разбит вокруг домика оленеводов, кривою, вросшего в землю и обитого с одного бока листами гудрона. Чернели две массивные туши замесших вездеходов, дымил полупогасший костер. Начпартия Кристина Олеговна, непривычно трезвая, с застывшим на лице следом суточного стресса, вышла, почти выбежала им навстречу, широким жестом раскидывая в стороны руки.

– Мария! Слава богу! Алексей, спасибо, что нашли ее!

Она обняла Марию, крепко стиснула. Коряк кивнул и нырнул в низкую дверь домика.

– Катя, отведи ее в палатку и налей чаю! – Изпод ближайшего полога выглянула встрепанная студентка с двумя косичками. – И завари куksi! Скажи дяде Коле топить баню. Побегала звонить в город! Хоть бы вертолет не вылетел, если вылетел, вычтем из твоей зарплаты! И родственников твоих многочисленных успокоить надо, чуть не съели они меня... – последние слова она выкрикнула уже на бегу, спеша к своей, самой дальней в лагере, палатке.

– А где остальные? – Мария обернулась к Кате.

– Прочесывают квадратами, уже второй день, скоро вернутся. Мы с прибрежки сегодня примчались, когда с базового лагеря позвонили, по спутнику, карат через скалы не пробивает. Где ты была?

– Потерялась. – Мария тяжело оперлась на Катину плечо. – А кто из родственников меня искал?

– Ой, куча народу звонила, даже дядя твой троюродный, как его... – Катя молчала сосредоточенно, но недолго. – Не помню, какое-то редкое имя.

– Наверное, Нико. – Мария улыбнулась и добавила еле слышно: – Рыжий Нико.

Едва теплый чай, раскаленный дошок в покрытой непривычными японскими иероглифами упаковке. Корякская баня, где, присев на корточки, опасаясь задеть раскаленные камни, она опрокидывала на себя ковш за ковшом горячую воду. Вареная кижучья голова, лопающиеся на зубах шарики перестоявшей гостевой икры. И спирт, много спирта, и никаких вопросов, и теплый спальник, и сон.

Мария выползла из палатки одной из первых, на рассвете. Накинула куртку поверх энцефалитки. Зеленая титановая кружка Исереак звякнула зубной щеткой. Снаружи было пронзительно холодно, и рассвет впервые за много дней не был фикцией. Унылые лошади облизывали с травы сияющие морозные блески, под умелыми руками егеря дяди Коли занимался костер. Сам он делал утреннюю зарядку, наклонился до самой земли и, разгибаясь, широ-

ко развел в стороны руки в приветствии: «Доброе утро, солнышко!» В густом кедраче возился радостный пес, гоняя мелких суетных птиц.

Мария спустилась к реке, разбила пяткой намерзший ледок и потянулась подальше, туда, где холодная вода омывала прилепившиеся к гальке домики ручейников. Она зачерпнула горсть и ополоснула лицо, поставила кружку на хрупкий ледовый навес, он выдержал, достала зубную щетку. Кусты на той стороне реки затрещали, совсем близко, метрах в пяти от нее, из зарослей почти полностью облетевшей лозы высунулась голова. Медведь медленно вышел на берег. Мария на автомате отложила зубную щетку, чашка звякнула, ледок под ней треснул, и титановый цилиндр заскакал вниз по течению. Медведь остановился и посмотрел на Марию в упор. Она выпрямилась, оказавшись одной ногой в воде, ледяной поток сразу наполнил трекинговый ботинок. Мария этого не замечала, она смотрела прямо в непроницаемую медвежью морду. Охотники говорят, что по выражению морды зверя всегда можно отгадать его намерения. И это действительно так, если имеешь дело с волком или кабаном. С медведями все иначе, у медведей нет даже общих для вида повадок, они непредсказуемы. Мария с удивлением поняла, что мысли ее во второй раз идут по тому же кругу. Медведи индивидуальны, как люди. Морда зверя вдруг перестала казаться ей непроницаемой – удивление, узнавание и усмешка? Мария улыбнулась и кивнула, медведь развернулся и неторопливо пошел вверх по течению, Мария простояла на месте еще несколько минут, пока крупный медвежий зад не скрылся за поворотом реки. Потом медленно отступила назад и огляделась, зеленый бок кружки отблескивал всего в нескольких метрах, складная ручка прочно зацепилась за вмерзшую в лед палку.

– Ты как это умудрилась полный ботинок воды набрать, непутевая? – Дядя Коля закончил свою зарядку и теперь сидел возле костра и дымил.

– Там лед намерз, вот и провалилась. – Мария наконец расшнуровала трек и вылила из него воду, стянула мокрый носок и расположила ногу у самого огня. Тепло пощекотало пальцы, дым, переменявшись, пошел в ее сторону, защищало в глазах.

– Курить хочешь?

– Хочу, конечно, вы еще спрашиваете.

– Бери. – Дядя Саша протянул ей пачку.

– Запишите в мой долг.

– Так бери, – он тряхнул протянутой рукой, – только живее, пока не видит никто.

– Спасибо. – Мария аккуратно затянулась, перебивы между сигаретами становились все дольше, а табак все хуже, на этот раз – красный Marlboro. Получше «Оптимы», однозначно, но горло все равно дерет, как будто она курит впервые.

Вода в кане забурлила, и дядя Коля снял его с огня, бросил целую пригоршню заварки, с силой размахнувшись, как принято у бывалых походников.

– Чай готов! – закричал на весь лагерь.

– Чего орешь! – Лохматая голова Лени-вездеходчика высунулась из кунга, пахнуло солярой.

– Переобуться не хочешь?

– Нет, мне и так хорошо.

Мария широким картинным жестом задрала лицо к небу, выпустила дым от последней затяжки. Ей и вправду было хорошо и совсем не страшно.

АНЯ

*хлеб в вине
водяной молчалив он сидит на дне
уходящий уходит
а бог пока остается*

От картошки Аня почти улизнула, бабушка поймала ее вылезавшей из окна гостевой комнаты, там прыгать ниже всего и растет только ремень, ничего не потопчешь. Пришлось собирать жука аж до самого обеда, отрывать от обгрызенных картофельных листов цепляющие лапки и давить пальцами личинки. В обед, когда солнце стало ощутимо греть даже сквозь панаму, всех жуков слили в бочку и, покрыв радужной бензиновой пленкой, сожгли.

Слушая треск горящих жуков, Аня думала о том, что бояться неизвестного легко и не так страшно. Вспоминала, как вчера наперебой спорили мальчишки, описывая водяного то зеленой обезьяной с длинными лапами, то большой лягушкой с красными глазами. Рассказывали сказку о холодном упыре, который живет на самом дне бочага. Днем он спит, зарывшись в жирный речной ил, а ночью выходит из воды, чтобы пить людскую кровь, питаясь чужим теплом и обращая горячую алую и соленую влагу в стильную сладковатую жижу, полупрозрачную, голубую, мерцающую в лунном свете и чернеющую под первыми лучами солнца. Кто эту кровь добудет, тот сможет сварить приворотное зелье или зелье

смертное, так говорила бабушка Нюра, чужая, съезженная и дурно пахнущая старушка из дома на самом краю оврага. К ней совсем никто не приезжал, не было у нее ни детей, ни внуков, и в деревне говорили, что она ведьма. Все девчонки ее боялись, взрослые стращали, кто из девок будет с ней рядом, когда старая помрет, тот силу ведовскую получит, и с ней проклятие, тому до самой смерти свободы не знать и покоя, мужа не иметь, детей не иметь и порог церкви не переступить, так-то.

Но к ней ходили, у нее клубники много было, малины, и она детям собирать разрешала, просто так, а еще у нее было пианино. Очень старое, оно все еще играло, хоть и плохо, хрипло и не в ноты, так, что по телу бежали мурашки, а волосы на руках вставали дыбом. И все же бабушка Нюра была ведьма не настоящая, точнее, вообще не ведьма. Была в деревне и другая бабушка, настоящая, хотя и не ведьма тоже.

Встретились на мостках уже ночью, повылазили из окошек, кому лестницу приставлять пришлось, а кому повезло, под окном гора песка навалена, не речного, желтого и грязноватого, пачкающего руки, а настоящего, карьерного, крупного и белого, великая ценность. Сидели долго, замерзли все, комары начали заедать, мошка, налетая тучами, выгрызала кусочки кожи, заставляя чесать покрасневшие руки. Сидели долго, уже и истории

закончились, по второму кругу рассказали про лешего и поляну его особую, где он днем спит, прикинувшись корявым кнем, про домовых поговорили, у кого какой, над кем ночью он бдит, проснешься, глаза откроешь, а он стоит и смотрит, и так каждую ночь, пока не нальешь молока кружку, рюмочку вина и конфету сверху не положишь, самую лучшую, шоколадную, «Цитрон» или «Полет». Сидели, пока не шурхнуло в камышах, раз и еще раз, все замолкли, и ребята, и лягушки, казалось, даже комариный писк утих. Шурхнуло ближе, потом плюхнуло, заворочалось внизу, под мостками. Все подорвалось мгновенно, не сговариваясь, побежали вместе, кучей, карабкаясь по склону.

Трава мокрая и скользкая, лишь бы вниз не показаться, ждать никто не будет, а спасать и подавно, лежать тебе на речном илистом дне в цепких лапах водяного, пока твой холодный, пропахший тинной труп не поймут в свои сети рыбаки. И мама не узнает, что водяной забрал, будет говорить, убежала ночью купаться, не выплыла, утопла.

Конец склона уже совсем, вот-вот, близко, сзади хлопает и шаркает что-то, кто-то, звонко прихлопывают лапы по мокрой траве, подвывает еще так жалобно, тоненько, совсем как тоскливая птица, которая ночью кричит в ольшанике. Бежать и не останавливаться, до самой деревни, до старого хлева за кирпичным домом, туда всем вместе набиться и сидеть, запершись, вдыхать слабый, еле ощутимый за давностью коровий дух и молиться, также всем вместе, не стесняясь, и домового просить и дворового, на разные лады.

Долго сидели, час, наверное, сначала молились, потом молчали и только спрашивали друг у друга:

– Ушел?

– Ушел?

Потом уже отпустило, сердце успокоилось, перестали трястись руки, прошла противная сосущая тошнота в желудке, и тогда стали говорить:

– Водяной, он же далеко от воды не уходит, долго без нее не может, у него же жабы, как у рыбины...

– Тут в деревне собаки, а он их ох как боится...

– И домовый со своей территории кого хочешь прогонит, и дворовой еще...

И только Аня сидела и помалкивала, как баба Аля велела.

Нет, знать наверняка в сто раз страшнее, отчетливо видеть крупные влажные глаза-блюдца, подернутые мутноватой пленкой, как у мертвого карпа, и такую же тусклую чешую цвета пыльных пивных бутылок, цвета стеклышек, обмытых речной водой, слышать хлюпающий шорох широких ласт и чувствовать

сладковатый тинный дух. И ведь ничего никому не расскажешь, и про то, что домового в той старой развалюхе давно нет и быть не может, когда уже лет двадцать она пустует, и дворового там нет тем более. Последний дворовой в деревне остался у бабы Нюры, она, одна из немногих, держала скотину и жила в старом довоенном доме. Там на чердаке они с мальчишками однажды нашли настоящий порох, и мальчишек вроде как даже выпороли, когда поймали за сооружением огневой дорожки. По крайней мере, они так сказали, Ане было странно думать, что детей можно бить. Анина мама, по ее собственным словам, руководствовалась новейшими методиками воспитания и была против телесных наказаний. Аня точно ничего не знала о новейших методиках, проводя почти все время с бабушкой. Летом они снимали у деревенской семьи часть дома с собственным входом, что было очень кстати, не приходилось лишней раз встречаться с соседскими девчонками.

Вчера водяного караулить собралась настоящая ватага, почти все деревенские ребята и некоторые девчонки, самые смелые. Аня никак не могла не прийти, хотя затея была глупая, и теперь было немножко стыдно. Ладно мальчишки предложили водяного караулить, они бестолковые, но она-то поболее их знает, ей баба Аля сто раз говорила: не играть с нечистью почем зря, а с водяным так особенно.

Баба Аля была настоящей бабушкой. Она жила в одном из древних деревянных домов с рюшечками на пенящихся шелушащейся белой краской окнах и высоким крыльцом. Во дворе у нее, кроме пионов и дельфиниума, росли ноготки, календула, мать-и-мачеха, крапива и даже сорные одуванчики. В сених были развешаны пахучие пуки, связки, мешки и мешочки, баба Аля удивительно легко отличала их в полутьме, на ощупь, по запаху, и учила этому Аню. Точнее, Аня училась сама. В начале лета ей удалось улизнуть, когда бабушка утарахтела в город с дядей Вовой, и они с бабой Алей отправились в настоящий поход за травами. В ближний лес, на ближнее поле, недалеко и ненадолго, были дома еще до заката, но в тот день Аня впервые почувствовала это. Тогда она называла это волшебство – возможно, не лучшее слово. Потом, много лет спустя, уже став взрослой, почти старой, она назвала это Богом.

Аня чувствовала себя бесконечно древней, бывшей здесь много веков назад, ценительницей и травницей, волхвицей, шаманкой, колдуньей, чувяла, как течет под ее ногами, в земле, вода, ус-

В ближний лес,
на ближнее поле, недалеко
и ненадолго, были дома
еще до заката, но в тот
день Аня впервые
почувствовала это.
Тогда она называла
это волшебство.

тремлясь вниз, в овраги, чтобы слиться в речном потоке, как ворочается хозяин леса и его холодный болотный собрат, как в прибое ветра замешивается мокрая шерсть и густой еловый чад, болотная гниль и соки молодых трав и ягод. Она чувствовала все это разом, не различая, не дробя на отдельные мутноватые кусочки впечатлений единую сахарную голову, большую, желтую, со стертymi временем острыми сколами, такая стояла у бабы Али в комодe, и ее никто не ел, вот и Аня свою не ела, хранила монолитный кус внутри и шла вперед.

Приходится прилагать усилия, раздвигая плечом вполоборота особенно высокую траву. Взрослому по пояс, Ане она доставала до середины скулы и иногда хлестала по лицу, несильно, но ощутимо. Впереди на полшага, медленно, но уверенно шла баба Аля, говорят, что она совсем старая, старше всех в деревне, даже старше бабы Нюры, и несмотря на это – прямая, не скошенная вбок и не согнутая буквой Г. И идет прямо, переставляет ноги, бережно подбирая место для следующего шага, обвешенная связками и пучками травы, полотняными мешками и мешочками, и на каждом из них – странные кляксы-символы, на самом деле просто неясные, полустертые буквы, но в них видится особый мистический смысл, как в скандинавских рунах из игрового набора – эйваз, райдо, дагаз, перт... Справа и слева – травяные верхушки медленно и размеренно проплывают мимо. Иногда баба Аля останавливается, приходится тормозить тоже, почти утыкаясь ей в спину, а она нагибается, чтобы сорвать пучок чего-нибудь, вполоборота поясняя скомканной скороговоркой – это пижма, она боль снимает, заразу и воспаления лечит, а еще ей глистов гонят; это –

тысячелистник, он помогает заживлять раны, язвы и ожоги, полезен от живота и при кашле, укрепляет тело, а это, а это, а это... Пронесется мимо белые островки тысячелистника и желтые лодочки пижмы, ломаются под пальцами полупрозрачные стебельки чистотела, их соком можно смазывать покусанные крапивой колени, шекочут руки сухие соцветия бессмертника и колют крупные злые фиолетовые цветки расторопши. Холодным морским ветром, скорой зимой и слезной солью пахнет полынь, опасной сладкой лимонной одурью – багульник. Улыбается, как родная, ромашка, мелкая и крупная, растущая по одной и семейками, приятно холодят воздух шалфей и душица своим мятным духом. Дикий шиповник, валерьяна и кровохлебка, пустырник и эхинацея, иван-да-марья, пушистые хвосты хвощей, чертополох, паутинный бородавник, барвинок и зверобой, в поле, в лесу и на ближнем болоте, а еще – деревья, их мелкие листочки, мягкие ежики молодой еловой хвои, длинные ольховые сережки и липовый цвет.

Липовый цвет, липовый цвет, липовый цвет – в таких этих словах было волшебство, Аня чувствовала сладость на языке, произнося их вслух. Названия трав вообще были как будто бы больше, чем просто словами, в них содержалась вся концентрированная суть самих растений. Яркие и незаметные, пахучие и травяные, белые, желтые, зеленые, полевые и лесные, стебельки, листочки, головки цветков, бутоны и корни, все они были разложены у Ани в голове, рассыпаны по тканевым мешочкам, сшитым из старых простыней, утянуты ниткой и подвешены под потолок. Аня никогда не путалась в названиях. Было бы здорово, если бы и математика давалась ей так легко. Аня долго пыталась найти, в чем здесь секрет, но секрета не было. Она просто слушала бабу Алю, слушала, что и как заваривать, что и куда мазать, втирать, прикладывать, как настаивать и пить, сначала – слушала, потом – помнила, вот и все.

Еще баба Аля рассказывала о нечисти, о духах лесных, речных и болотных, о прекрасной берегине, увидев которую однажды, человек не мог ее забыть, тосковал и чах, медленно умирая, или уходил в лес и пропадал, о веселом и жутком хозяине леса, лешаке, ловком на всякие проделки, о болотных огоньках и русалках, о водяном, устраивающем себе жилище в глубоких бочагах, о домовых и дворовых. Она рассказывала об их обычаях и повадках, как будто говорила о лесном зверье или каком-то другом народе, пересказывала истории своих дедов и бабок, прабабок и прадедов, совсем старые легенды

Она начинала замечать краем глаза мелькающие тени, видеть силуэт домового, возникающий на месте, от которого ты только что отвернулся, слышать звуки и шорохи, различать легкие шаги берегинь и тихий хохот лешака.

и сказки, перевивая их между собой и вплетая в окружающий мир, простой и понятный, каким Аня знала его раньше. Она начинала замечать краем глаза мелькающие тени, видеть силуэт домового, возникающий на месте, от которого ты только что отвернулся, слышать звуки и шорохи, различать легкие шаги берегинь и тихий хохот лешака. Хозяина леса она даже однажды видела, и после той прогулки ей попало особенно сильно.

Влажный лесной дух, сладкий гнилой чад, пахнет мхом и прошлогодней хвоей, босые пальцы загребают хрупкий дерн вперемешку с обломками иголок. Разуваться обязательно, босые ноги лес лучше чувствуют, на босых ногах авось и не пойдешь на морочный круг в который уже раз. Еще день, и почти не холодно, время как будто застыло, и темнота все никак не наступит, это радует и пугает одновременно. Высокий еловый храм вокруг, сухая голая земля без травы и подлеска, даже мха нет, нет ни капли влаги, от болота остался только еле ощутимый запах.

Заходишь на третий круг, от большой старой ели, переломленной пополам, к сухому овражку, до пня со следами-бороздами и до редкого, зачахшего в неизменной тени малинника, все время прямо и никуда не сворачивать, обходить деревья с разных сторон, одно справа, другое слева, справа, слева, справа, слева и так до самого конца, до той самой старой ели, переломленной пополам, и дальше. Обирая неспелую и сухую малину с кривых почерневших кустов, отмечаешь, что не хочется есть

и пить не хочется. День никак не кончается, солнце никак не садится, заходишь на пятый круг, на седьмой, на десятый.

Выдыхаешься и садишься на землю, рядом со старым стволом, к ели не прислонишься, острые сучки впиваются в спину, корни никак не дают устроиться, а сверху сыплется коряная крошка – может, белка шалит. Поднимаешь голову и прикрываешь запорошенные глаза, нет здесь белок, и птиц нет, даже насекомых как будто не видно. Может, и их здесь нет, в этом еловом храме, в глухом углу, в западне у лесного хозяина. Опять идти бесполезно, никуда не уйдешь, лешак не захочет, не пустит, беги не беги. Не надо было бахвалиться: я ненадолго, не заблужусь, скоро вернусь, до ежевичника и обратно, не надо было гневить хозяина леса и не надо было в одиночку идти. Не надо было, но что ж теперь. Теперь остается ровно одно – просить. Прощения просить и помощи. Дедушка леший, господин, хозяин лесной. До земли согнуться, коснуться ее, сухой, кончиками пальцев. Прости меня, дедушка, мала да глупа я, не нарочно прогневила, не по злему умыслу, не портила ничего, грибы из земли силой не рвала, деревьев живых не рубила, птицу-зверя не била, только в глупости и бахвальстве моя провинность, не суди строго, отпусти с миром, я тебе пирогов принесу, сама напеку, руками вот этими. И льются, и льются слова, потоком неясным, бурным, одно на другое наскокивает, сами собой из памяти всплывают, все, что слышала, как хозяина лесного увещевать, как его умасливать. А в ответ тишина, лешак – он обычно громкий, любит ветром повить-пошуметь, птицей крикнуть, валежником треснуть, мышью прошуршать, и только с людьми он молчаливо тих.

Минута прошла, а может, и не минута, пять, десять, или целый час, день, кто знает, в глухом углу время течет иначе, или не течет вовсе, как его хозяину угодно. Распрямив спину, самым краем глаза, его уголочком ловишь движение, скасываешь вбок и успеваешь заметить сквозь набежавшие слезы, как меняется очертание старой сломанной ели, раскрываются руки, расправляются ноги, поднимается тяжелая голова. Нельзя ни дернуться, ни рыпнуться, ни глаза закрыть, а руки лешачьи все шире и шире, пальцы его длинные, многосуставчатые, коряжистые, уже у самой твоей макушки, ты уже чувствуешь движение воздуха и теплых густой аромат влажного леса. Загораются красные точки глаз, будто нарисованные спинками жуков-пожарников, раскрывается трещина рта с еле слышным скрипом. Ты замираешь на полувздохе, теплые слезы стекают по подбородку и скатываются за шиворот. Мир

вокруг плывет, лешак за спиной улыбается, быстро темнеет небо, не выдержав острой мучительной рези, ты закрываешь глаза.

Вокруг сгущается полутьма, трещат в воздухе мелкие насекомые, и вдалеке, где-то за жухлым малинником, кричит одинокая птица. Ты медленно поворачиваешься, снимаешь с елового сучка висащие на связанных шнурках ботинки, ешь за твоей спиной целая и живая. Ты поворачиваешься обратно и торопливо идешь на птичий крик, он постепенно удаляется, убегает вперед, ты не сомневаешься, не думаешь, просто идешь, наступает ночь, ветер приносит промозглый холод, бросает тебе в лицо и еще комариную тучу в придачу.

Так, отфыркиваясь и маша руками, Аня и вывалилась на поле, у самой речки, с другой стороны деревни. А потом неделю дома сидела безвылазно, в ответ на рассказы о хозяине леса бабушка отчитала ее еще раз, сказала, что прикрываться сказками дурно, и пригрозила, что больше к бабе Але в гости не пустит. Нечего было и думать просить ее испечь пирогов лешаку.

Пришлось отложить на несколько недель, но слово свое Аня сдержала, принесла на опушку дары и разложила на большом трухлявом пне, постелив большую нарядную салфетку, поклонилась в пояс, пробормотала: «Спасибо, бабушка» – и унеслась. Ее еще долго потом в лес не тянуло.

А о самом главном баба Аля не рассказывала никогда. Она была настоящей бабушкой. К ней приезжали люди со всего города, иногда из других городов и даже из столицы. Самые разные люди, и она их лечила от всего, приезжали кривые и скорченные, трясущиеся, все в болячках, и совсем нормальные на вид приезжали тоже. Приезжали красивые женщины в ярких платьях и потертые старички, внешне чинные школьники и завернутые в пеленочный кокон малютки, хотя они-то как раз и не приезжали, их привозили родители. Баба Аля часто пускала Аню к себе домой, иногда даже разрешала посидеть тихонечко на полатях, когда приходили больные, но никогда не рассказывала ей о том, что делает, как и зачем. Только один раз в прошлом году, когда Аню пришла забирать мама, баба Аля на ушко нашептала, что делать, когда у мамы голова болит. У мамы были мигрени, несчастье, но очень сильные, и после этого Аня не раз сидела, положив ладошку ей на лоб, и мама говорила, что от этого становится легче. Аня попробовала лечить также бабушкины коленки, и у нее вроде бы получилось, бабушка посмеивалась, но разрешала ей возиться рядом, когда парила ноги в содовом растворе

с лавровым листом, и даже стала меньше ругаться из-за того, что Аня слишком часто ходит к бабе Але в гости.

В конце августа целую неделю лил дождь, все дети сидели по домам, точнее, переползали из дома в дом шумной гурьбой и резались в карты, мамы, тети и бабушки подкармливали их разными вкусностями, но к концу недели надоело и это, стало невыносимо скучно, и когда наконец выглянуло солнце, Аня встала вместе с ним и с улыбкой. День был отличным, земля все еще слишком влажная для прополки, к бабе Але никто так и не приехал, дороги развезло, до вечера не ходил даже рейсовый автобус. Весь день их компания играла в войнушку, лазила по запруженному оврагу, балансируя на узких ветках, нависающих над озерами грязи, отрясала мокрые деревья и крапивные кущи, а вечером должна была вернуться мама. Аня к ее приезду опоздала, никак не могла бросить своих в разгар решающей битвы, после гибели командира. Сегодня им был ее сосед, рыжий мальчишка со странным именем, все в деревне звали его Колей. Он скончался от выстрела в грудь и теперь красиво лежал в мокрой траве, безвольно раскинув руки. Ане же предстояло пережить самый тяжелый момент штурма.

Когда она пришла домой, в окне кухне уже курсировали два силуэта, доносился запах разогретого зеленого борща, такой яркий, что занял живот, и почему-то повышенные голоса. Аня перешла на бег и влетела в двери предбанника, скинула заляпанную грязью ботинки, опять бабушка ругаться будет, и почти успела зайти на кухню.

- Мы завтра же уедем! – голос мамы, резкий и нервный, Аня невольно подумала, что бы могло ее так разозлить. Бабушка тоже говорила чуть громче обычного, но по-прежнему спокойно:
- Лена, ну что ты так психуешь? Оставь ты ее до конца лета, ничего страшного же не случилось.
- Ничего страшного?! Ты слышала эту ведьму? Нет, ты ее слышала? Оставьте мне вашу девочку, у нее дар...

Аня зашла в кухню, и разговор прервался. Мама стояла у раковины и шкрябала растрепанной железной губкой по сковородке, бабушка сидела за столом, наклонившись вперед в неестественно напряженной позе, как будто уже начала подниматься на ноги, но замерла в середине действия.

- Привет. – Аня подошла к маме и обняла ее сзади, обхватив за пояс.
- Привет, солнышко, как погуляла?
- В войнушку играли, защитники оврага вновь победили.

- Умничка. Ты иди переодевайся, сейчас будем ужинать. – Мама обернулась и обняла Аню локтями, разводя в стороны мокрые руки.
- Из-за чего вы ругаетесь?
- Мы не ругаемся, иди переодевайся.
- Вы про бабу Нюру? Она ведьма?
- Не про бабу Нюру.

Аня невольно улыбнулась, баба Аля хочет учить ее, действительно учить!

Аня шагнула назад широко и мягко, потом сделал еще два шажочка и притопнула, уткнула руки в бока:

- Значит, про бабу Алю. Но она не ведьма, мам, она бабушка, я же тебе рассказывала. Она хочет меня в ученицы взять? Я слышала, как она дяде Коле говорила, что хочет ученицу взять.

- Аня, иди в свою комнату.

Аня опустила руки и чуть подалась вперед:

- Мама, ты что, не понимаешь? Это по-настоящему, помнишь, как я тебе мигрени лечила...

- Аня!

- Лена, спокойнее, она просто ребенок. – Бабушка все же встала и подошла к плите, сдвинула начинающую булькать кастрюлю.

- И это я еще ничего почти не умею, а потом я как она смогу. Я тебя насовсем вылечу, и бабушку тоже.

- Аня, иди в свою комнату.

- Мама!

- Аня, иди, дай взрослым поговорить.

Аня замерла еще на несколько секунд, пальцы задеревенели и не хотели сжиматься в кулаки, потом все же развернулась, медленно и нехотя, и убежала к себе. Накатывали слезы, мама не понимает, ничего не понимает и ни за что не оставит ее тут, она боится бабу Алю, как можно бояться бабу Алю. Аня зашла в комнату и села на пол в углу, свернувшись комочком, слезы текли уже всерьез, щекотало нос, а глупый живот, все еще реагируя на запах пищи, заурчал, как старая облезлая кошка. Аня зажала руками уши и сосредоточилась на этом урчании, но голоса за стенкой все равно оставались вполне различимыми.

- Мама, я не знаю, что мне делать, это жуть какая-то. – Мамин голос подрагивал, видимо, она тоже плакала. – Она ее зомбировала, мы больше никогда сюда не приедем, никогда.

- Лена, успокойся, Аня маленькая совсем, глядишь, и забудет все к следующему году.

- А она мне говорит: я старая совсем, помирать пора, у меня дочек-внучек нет, одни мальчишки, а Аня девочка способная, такие редко рождают-

ся. Она сумасшедшая, мама, она сумасшедшая, и я ее боюсь.

- Лена, хватит!

- Она говорит – отдай мне ее, отдай, ты представляешь, отдай! Мою дочь... – Мамин голос стал глухим, как будто она уткнулась бабушке в плечо, и постепенно перешел в громкие всхлипы, от которых Ане стало еще хуже. Глупая мама, она совсем не виновата, просто ничего не понимает.

Постепенно бабушка успокоила маму, та загремела тарелками, накрывая на стол, и пошла успокаивать Аню. И зря, Аня уже почти перестала плакать, а с приходом бабушки снова раскисла, и от увещаний и от ласкового голоса стало только хуже:

- Анечка, ты только в школу пошла, у тебя там в городе еще столько интересного будет, а захочешь людей лечить – станешь врачом, когда вырастешь.

- Не хочу врачом, я хочу стать бабушкой!

- Ну, подумай, где ты жить будешь, зима, холодно, откуда еду брать?

- У бабы Али жить буду.

- А потом, кем работать будешь, если в школе не выучишься?

- Я как баба Аля.

- Но баба Аля и за скотиной ходит, и картошку растит, а ты вон и грядки полоть не любишь, я тебя заставить не могу.

- А я полюблю, все полюблю, и скотину, и грядки, у меня будет две, нет, три коровы, и коза, и курицы.

Аня уже почти рыдала, ее потряхивало, и слова выходили с трудом, с паузами и запинками. Бабушка гладила ее по голове, присев рядом на стул, сесть на пол ей не позволяли больные колени:

- Ты сейчас маму не расстраивай, домой поезжай, в следующем году приедешь опять к бабе Але.

- Не приеду, она меня больше не привезет.

- Привезет, я ее уговорю, если надо.

- Нет, не привезет!

Аня вскочила на ноги и, дошагав до кровати, бросилась на нее ничком, чтобы рыдать уже по-настоящему, бабушка немного посидела на стуле, потом с трудом поднялась и ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Аня проснулась и приоткрыла глаза, в комнате было темно и жарко, за стенкой мерно урчал бойлер, от стенки шло тепло. На темном фоне выделялся силуэт, еще более темный, невысокого, широкого в плечах человека, растрепанного и всклокоченного так, что края силуэта размывались, сливаясь с окружающей его темнотой.

На темном фоне выделялся силуэт, еще более темный, невысокого, широкого в плечах человека, растрепанного и всклокоченного так, что края силуэта размывались, сливаясь с окружающей его темнотой.

– Нафаня, ты чего тут? – Аня протерла глаза и хотела сесть на кровати, но ее придавила тяжелая рука.

– Ты лежи-лежи, неча вскакивать. Рыдала полночи еще, никакого покоя. Тебе баба Аля привет шлет.

– Как?

Глаза привыкали, и контуры собеседника постепенно проступали, растрепанная голова, борода торчком во все стороны, крупный нос и неестественная широкая ухмылка, как будто у него было не тридцать два зуба, а все шестьдесят. Хотя, может, оно и действительно так, кто знает, сколько у домового зубов. Аня даже подумывала спросить, но не стала.

– Как-как, через нас, я же вот пришел. Говорит, чтобы ты не печалилась, что, вестимо, другой путь тебе этот, – домовый ткнул пальцем в потолок и скривился, – уготовил, и не твоя судьба дар принять. Так-то.

Домовой замолчал, легонько притопнул несколько раз и добавил:

– Жалко старую, помирать ей скоро, и ох несладко. Дар-то передать некому. А она хорошая тетка, хоть и молитвы эти ваши бормочет все время, тьфу! И все в ее роду хорошие были, я вот поколения три токмо помню, а сосед мой почитай что десяток лично знал.

Аня потянула носом, всхлипнула, слезы холодили щеки и мокрили подушку.

– Эй-эй! Ну что ты плачешь, малая, говорят же, все хорошо будет, не печалься.

– Не будет.

Слезы лились теперь всерьез, и наволочка вокруг висков совсем промокла.

– Не рыдай, дуреха. – Жесткий палец стер влагу, Аня от неожиданности дернулась и даже плакать перестала. – Поедешь в свой город, там, говорят, сейчас жуть до чего любопытно.

– Вот сам туда и езжай! А мне в городе делать нечего, мне там пусто, школа эта, каждый день одно и то же, одно и то же, одноклассники бестолковые, танцы дурацкие, ничего там нет, понимаешь, ничего настоящего!

– Ну не может такого быть, чтоб в городе совсем ничего не было, найдется еще твое, не боись. – Домовой присел на кровать, потеснив Аню, и добавил: – А я бы на него поглядел.

– Ну и поехали со мной, поглядишь. – От прикосновения домового накатывала сонливость.

– Ты, девка, дура, куда я поеду, тута все без меня развалится, дом старый, построен из рук вон плохо, когда ремонтировали пять лет назад, много накуролесили, теперича, считай, на одном моем слове держится. Ох и работы у меня, и работы, каждую ночь, слушай, девка, а может, ты мне от бабы Нюры дворового ейного сманишь? Он хоть и дурной, но все помощь будет.

– Я не могу, я завтра уезжаю.

– Да, точно. Может, и мне с тобой в город?

– Может, у нас квартира большая, я с тобой дружить буду, гостинцы тебе оставлять, а тут в тебя даже не верит никто.

– И то верно, молодка эта дуже пакостная, очень плохая хозяйка, муж ее обормот, ничего не умеет, про дур малолетних я вообще молчу, старшая недавно паука придавила. Представляешь, паука? Он ей ничем не мешал, даже паутину не сплел, просто мимо полз, а она его – бац книжкой! Жалко беднягу.

Домовой замолк и застыл неподвижно. Аня уже начала засыпать, когда он вдруг хлопнул себя ладонью по колену, так что кровать трягнуло.

– Была не была! Еду в город! Слушай теперь, – повернулся он к Ане, – утром возьми плетеную корзинку, на пол ее поставь и... Да что я тебя учу! – Он еще раз хлопнул себя по коленке. – Ты же у нас ученая, сама разберешься. А теперь – спи.

Аня послушно закрыла глаза и, все еще ощущая боком прохладу, уснула. Открыла глаза она уже утром, за дверь, грохоча и приговаривая что-то невнятное, мама собирала вещи, пахло сырниками. Не выходя из комнаты, Аня неторопливо уложилась,

ей уже не было грустно, как вчера, она не злилась, но и весело ей не было тоже, ей было спокойно, ей было никак. Последней она достала с полки плетеную корзину, ссыпала наполнявший ее мелкий хлам в ящик комода. Поставив корзину на пол, Аня накрыла ее своим шарфом и, приподняв уголок, прошептала: «Нафания-Нафания, полезай».

Когда бабушка пришла ее будить, Аня сидела на кровати, разглядывая жуткие и глупые морды, угадывающиеся в рисунке сучков на обшитом деревом потолке. Быстро позавтракав, они погрузились в машину. Старая зеленая «деушка», как ее ласково называла мама, зафырчала, включилась магнитола, спрашивая раз за разом: «Хочешь?» Аня поставила корзину на колени и посмотрела на дом. Он показался ей маленьким и нелепым, каким-то хрупким, неустойчивым, краска на стенах как будто бы вдруг выцвела и посерела, крыльцо покосилось, и много других мелких изменений проявилось в единый миг, делая дом неухоженным и нежилым. Аня посмотрела на корзинку на своих коленях – а ведь все дело в нем.

Хранитель этого очага, спрятавшись в плетеных стенках, ожидал прибытия в новый дом. Понравится ли ему там, он же будет совсем один, тут у него хотя бы есть другие домовые, склоки с водяным, жутковатые проказы навроде связанных коровьих хвостов и подтрунивания над сторожевыми собаками. А там, в городе, у него не будет всего этого. Аня чувствовала, что поступает нехорошо, неправильно. В городе домовая постепенно истает, исчезнет, как всегда исчезала память о лете. Каждый год, возвращаясь сюда, Аня вспоминала. Не сразу, не в первый день, но ее захлестывало, и она, с удивлением оглядываясь на прошедший год, думала, как можно было все позабыть, и как будто бы получала второй шанс. А у домового может и не быть этого второго шанса, в очередной раз, возвратившись из школы или с танцев, Аня забудет о плетеной корзинке, задвинет ее в пыльный угол под кроватью, и ее обитатель навсегда потеряется, испарится, будто его никогда и не было. И она, Аня, став другой, серьезной и взрослой, как мама, придет сюда много лет спустя, окинет взглядом совсем состарившийся дом и ничего не вспомнит. Ей уже не будет ни грустно, ни обидно, ей будет никак, словно сегодняшним утром.

Машина тронулась, проплыли мимо верхушки юных елок, желтый забор сменился зеленым, соседским.

– Стой! – Аня крикнула так громко, что мама испугалась и надавила на тормоз.

– Что случилось? – Вопрос повис в воздухе, дверь «деушки» была широко распахнута, а Аня уже бежала к дому, прижимая к животу корзину. Она пронеслась мимо удивленной бабушки, мимо любопытных соседских девчонок, высовывающихся из окна, не разуваяясь, заскочила в дом, села на колени и поставила корзину на пол.

– Нафания-Нафания, вылезай.

В дом вошла бабушка, остановилась позади сидящей на полу Ани, спросила:

– Забыла что-то?

– Ничего, уже ничего.

Аня улыбнулась, услышав вздох оживающего дома, и добавила:

– До встречи.

Эти легко подменяющие друг друга реальности – сна героя и яви, их неотличимость, ситуация похода – вызывают понятные ассоциации с прозой Виктора Пелевина и Борхеса. И все же у Лены Прокоповой свой «сад расходящихся тропок», это не абстрактное, умозрительное пространство и герои-функции, это наши русские широты, и живет в них узнаваемый, но обычно лишенный права голоса герой.

Такой знакомый русский пейзаж: «деревянные домики вдоль дороги, по противоположную сторону которой стоял упомянутый мост, чуть дальше – обшарпанное сельпо и большая старая церковь. За высокой колокольней из красного дореволюционного кирпича начинался густой сосновый лес». И живут в этом лесу очень русские персонажи, сплошь неудачники – несчастная девушка Настя из детдома, с которой случилось все, что не надо, самоубийца-поп Григорий, афганец-алкоголик.

Мне нравится, что Лена Прокопова пишет о них, продолжая русскую литературную традицию сострадания потерянному и несчастному, и что существуют они в органичной для них реальности. На территории заброшенного завода, на которой могут управлять водными потоками и муравьями, в детдоме, в пыльном дворе, в малине за гаражами, в палатке. Бездомные, «непутевые» люди – автор рассказывает нам историю каждого из них и хотя щедро дарит каждому вместо гибели спасение и жизнь, понятно, что это временное и ненадежное решение, от боли и неприкаянности им все равно не уберечься. Тем сильнее они нуждаются в читательской любви.